

УДК 347.1(470.61)«18»
ББК 67.3(2)52

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С.Ю. Краснов

В данной статье автор проводит научный анализ вопросов, связанных с обычно-правовым регулированием функционирования органов территориального общественного самоуправления в станицах и хуторах Области войска Донского во второй половине XIX века. Указанные вопросы еще не были предметом научного исследования ни в исторической и этнологической, ни в историко-правовой науках.

Ключевые слова: *обычное право; донские казаки; органы территориального общественно-го самоуправления.*

В современных условиях возрождения казачества в России, в особенности его традиционных форм территориального общественного самоуправления, большой интерес представляет обычно-правовое регулирование «отношений власти и подчинения» у донских казаков во второй половине XIX века. Без проведения реконструкции этих отношений, на наш взгляд, невозможно понять и правильно оценить роль и значение каждого органа территориального общественного самоуправления в Области войска Донского во второй половине XIX века.

Сложность проведения данной реконструкции заключается в том, что, являясь по своей природе публичными, эти отношения в наибольшей степени регулировались официальным законодательством, подтверждением чему могут служить, в частности, «Положение об управлении Донского войска» от 26 мая 1835 г., «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» от 13 мая 1870 г. и «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3 июня 1891 г. [18–20]. В связи с этим возникает вполне законо-

мерный вопрос: распространяется ли раскрытый нами ранее механизм действия норм обычного права на формирование и деятельность органов территориального общественного самоуправления у донских казаков во второй половине XIX в. полностью или только частично, то есть с учетом особенностей природы этих отношений как публично-правовых [12]? Ответом на этот очень сложный вопрос, на наш взгляд, и будет являться реконструкция обычно-правового регулирования функционирования данных органов во второй половине XIX столетия в станицах и хуторах Области войска Донского.

В связи со всем вышесказанным нет ничего удивительного в том, что во второй половине XIX в. организация и деятельность станичных сходов у донских казаков регулировались различными нормами обычного права:

«Атаман посылает “есаульца” или, что то же, полицейского, делать “закличку”. В станице “закличка” бывает или накануне сбора, причем есаулец ходит с вечера по станице и кричит: “Господа, честная станица, завтра будет станичный сбор, не расходитесь, не разъезжайтесь” (в Мариинской станице); или же закличка производится по утру в тот же день; есаулец ходит по станице и кричит: “Господа, честное общество, пожалуйста на станичный сход”. В хутора станичный атаман пишет “прика-

зы» (повестки) к поселковым атаманам, в которых говорится о времени сбора и о предметах, назначенных для обсуждения. Поселковый же атаман оповещает каждый двор. В некоторых станицах, например в Тишанской, в весьма экстренных случаях, во время полевых работ, посылаются, по старинному обычаю и ныне (в 70-е гг. XIX века. – С. К.) по полям нарочный казак со станичным знаменем, и все казаки, завидев его, бросают работы и спешат в станицу» [36, с. 288].

«Посылка нарочных с станичными знаменами по полям и хуторам для созыва в экстренных случаях на станичный сбор, а равно при получении наряда казаков на службу, в некоторых из Хоперских станиц продолжалась еще в 40-х годах текущего столетия (XIX века. – С. К.). Станичные знамена (значки из шелковой материи) постоянно хранились в станичном правлении. Впоследствии этот порядок созыва был заменен посылкою в хутора приказов от станичного правления» [9, с. 59].

Ранее, в XVIII в., посылка стариков со знаменами по полям преследовала совершенно иные цели:

«Полевые и сенокосные работы отправлялись всею станицею в одних местах и в одно время при воинском оружии, под прикрытием днепошных разездов, потому что татары и калмыки нечаянно нападали, грабили и убивали. Во время важной опасности посылались бывали из станицы старики со знаменами по полям и по покосам. Тогда жнецы и косцы обоего пола, увидевши знамя, бросали работу, сбегались в городок...» [9, с. 26].

Не меньший интерес представляет сам процесс проведения станичных сходов и принятия решений по различным вопросам, касающимся жизнедеятельности донских казачьих общин. Во второй половине XIX в. на станичные сходы собирались обычно казаки-домохозяева или же кто-нибудь из их сыновей или братьев. Только они имели право голоса на сходе. Остальные члены семьи могли присутствовать на сходе и слушать, о чем там говорят, но подавать голоса (голосовать криком. – С. К.) не имели права. Если управляла домом мать-вдова, то на сход обычно ходил старший сын. Случалось, что казак-домохозяин посылал на станичный сход свою жену, чтобы послушать, о чем там говорят, или поклониться обществу и попросить «какую-нибудь милость» [36, с. 288]. Председательствовал на станичном сходе станичный ата-

ман. Чаще всего он предварительно составлял список вопросов, подлежащих обсуждению, и предлагал их обществу один за другим. Выслушав атамана, казаки начинали вдруг говорить все сразу, из-за чего поднимался страшный шум, в котором невозможно было ничего разобрать. Говорили все, и старые, и молодые казаки, без всякой очереди. Если, по мнению станичного атамана, какой-либо вопрос был уже достаточно обсужден, то он заставлял есаульца звонить в колокольчик, чтобы прекратить обсуждение. Решение принималось большинством голосов [36, с. 288–289].

Именно наличие некоторых общих правил поведения, регулирующих порядок проведения станичных и хуторских сходов и принятия решений на них, как раз и позволяет нам показать те изменения, которые происходили в обычно-правовом регулировании деятельности указанных сходов во второй половине XIX в.:

«Много жалуются казаки и на беспорядок во время самих собраний. Атаманы и писаря жалуются, что на сходах их мало слушают и мешают правильно вести обсуждение дел. Простые казаки жалуются на то, что ныне мало стали почитать старших. Прежде, старикам всегда давали право высказывать свое мнение вперед остальных – их все с почтением слушали. Ныне же у кого голос сильный, тот и на сборе первый. Молодежь теснит совсем стариков, так что те иной раз посмотрят, посмотрят, да и отойдут к сторонке. Безобразия много тут творится» [36, с. 291–292].

«...Побывавши на сходе, будешь целую неделю чувствовать головную боль, а то, пожалуй, – сход отзовется и на боках... Не раз нам (один из очевидцев. – С. К.) приходилось бывать на сходах станицы Луганской. Более одной тысячи народа. Если атаман сделает доклад сходу о чем-нибудь интересном для станичников, то тут такой подымается шум и крик, что хоть затыкай уши и уходи! Кричат все, а суть то предложенного вопроса или доклада понимают только вблизи стоящие ораторы – самые бойцы; и вот эти то ораторы кричат, тому остальные вторят; даже в ущерб делу или своим интересам» [там же].

«Часто хитрые эксплуататоры умеют склонить на свою сторону общество и потом всевозможными средствами с их же общественного согласия вытягивают у них последние соки. Больше всех – сообщали мне (Харузину М.Н. – С. К.) казаки в разных местностях – говорят на сборах “чиновники” и офицеры, живущие в станицах, но к сло-

вам их относятся с большой осторожностью, так как заметили, что они часто говорят не в интересах общества. Больше всего дают себя чувствовать на сборе крикуны, от которых можно ожидать даже и оскорбления. Действительно, ... в силу своих традиций, казак хорошо понимает свое право на сходе и пользуется этим правом без ограничения, даже сплошь и рядом в ущерб законности и порядка. Так в некоторых станицах случается изгнание граждан со схода за то только, что они осмеливаются проводить какую-нибудь новую мысль, несогласную с убеждением большинства крикунов. Иванов, например, кричит из толпы: “Захарова долой со схода”. Достаточно повторить это требование хотя бы одному из толпы, как сосед Захарова Разухабов, под предлогом яко-бы исполнения желания схода, берет Захарова за руку и указывает на дверь» [36, с. 291–292].

Приведенный нами материал свидетельствует о том, что решающую роль на станичных сходах стали играть не старики, а так называемые «крикуны», к которым и стал обращаться проситель, чтобы не только быть услышанным на сходе, но и добиться желаемого для него результата. За это он должен был выставить магарыч, то есть определенное количество водки. Отсюда, на наш взгляд, и возникла известная на Дону во второй половине XIX в. поговорка: «Без магарычей нет у донца и речей». Это еще один из примеров, свидетельствующий о том, что новые нормы обычного права у донских казаков всегда вырабатывались на основе традиционных норм, причем независимо от того, в каких целях ранее применялись эти нормы и для регулирования какой части общественных отношений:

«Поездка с хуторов на сходы в станицу исполняется с крайним нежеланием, насильно, и многим служит тяжким наказанием, в особенности, если сход бывает в будничные дни. По приезде с хуторов, имеющие просьбы к сходу магарычат известных уже крикунов и просят постоять за них, а как просителей бывает много, то и магарычей тоже бывает чрезвычайно изобильно, так что крикуны являются на сход уже преизрядно хлебнувши. В начале дела и в конце все магарычи до того вошли в обыкновение, что проситель, подавая о чем-либо заявление на сход, в конце его, не стесняясь, присовокупляет, что “в благодарность обществу за удовлетворение его просьбы покупает ему два, три, пять ведер водки”. Далее станичным атаманом делается доклад дел, подлежащих решению схода, поднима-

ется страшный шум “не надо”, “в добрый час” до тех пор, покуда большинство голосов станет надсаживаться над одним из означенных выражений и перекричит меньшинство, заставив его замолчать или присоединиться к нему (большинству) [5].

Выставление магарычей в этот период времени получило широкое распространение и в других сферах деятельности:

«...Чтобы старинный обычай не выдавать никаких справок и свидетельств без “магарыча” был уничтожен» [25].

«...В другой станице поселковым атаманом было донесено начальству, что станичные судьи, пьянствуя на счет тяжущихся сторон, производят суд и решают дела в питейных заведениях. С другой стороны, станичные судьи, не понимающие специализации своих обязанностей, принимают на себя полицейско-административные обязанности, обнаруживая их преимущественно тем, что отправляют из питейных заведений под арест разных лиц, в чем-либо не сошедшихся с мнением судей или уклоняющихся от угощения. ...С лишением права принимать станичными судьями жалоб вне суда устранились бы, может быть, некоторые злоупотребления; к таким же последствиям повело бы и уничтожение обычая – решать дела в питейных заведениях» [39].

В старину все вышеперечисленные вопросы регулировались несколько иначе:

«...Здесь же (на майдане. – С. К.) творили суд и расправу, так что всякий обиженный, ищущий правосудия, шел в станичный дом и здесь находил собрание стариков, к которым обращался с своей жалобой, и получал удовлетворение. Активное участие в решении судебных дел и обсуждении различных вопросов принимали только старики; они только могли трактовать о делах, молодые же должны были стоять сзади и слушать, о чем говорят старики, отнюдь не позволяя себе ни говорить, ни делать своих замечаний» [8, с. 110–111].

Так было в XVIII в. и в станице Верхне-Курмоярской:

«На сборе во время суждения обыкновенный шум и крик от того, что всяк свое между собою говорит и всякий кричит о своем мнении к первому месту. Проситель выходит на среду, кланяется в землю на все четыре стороны, подходит потом к атаману, рассказывает о существе своего прошения; старики внимают. Атаман, выслушавши, при-

казывает есаулу: есаул, доложи, или сделай доклад, или вели помолчать, или есаул, помолчи! Сии изречения значат одно и то же, чтоб он укротил шум. Есаул кричит станичным голосом: атаманы-молодцы, вся честная станица Курмоярская! Помолчите! Возвышает трость, бьет об матицу и приговаривает: помолчите-ста, атаманы-молодцы! Помолчите-ста! Тишина, при шопоте не договоривших свои материи. Атаман встает и докладывает. Помолчите, атаманы-молодцы! Тишина. – Вот Аксен Пахомович просит о том-то. Что скажете? Дать или не дать? Решается от народа голосами ко удовлетворению: в добрый час! В добрый час! А к отказу: не дать! За что? Таким же образом и обвиняемому среди сбора прикажет атаман сперва кланяться, а после с доклада спрашивает решения от черни: вот, честная станица! Старики присудили наказать его плетью за то-то! Как прикажете? Простить ли его или выстегать? Равномерно всякий штраф и всякое удовлетворение зависело от доклада и слов от черни: в добрый час! или не надо! Впрочем, ежели старики какую-либо материю почтут нестоящею уважения, атаман, без позволения их, доклада учинить не мог, от чего вышла пословица: атаман не волен и в докладе» [9, с. 21–22].

Что касается второй половины XIX в., то необходимо, по нашему мнению, разделять между собой вопрос о социальном статусе стариков в семье и в донской казачьей общине и вопрос о роли и значении стариков во время проведения станичных сходов. С одной стороны, в некоторых донских казачьих общинах вырабатываются новые нормы обычного права, которые уравнивают права стариков и молодых казаков на станичных сходах, как это было в 1880 г. в станице Усть-Медведицкой:

«... Отчего же все вы, такие же старички, как и ты, на станичных ваших сходах не настаиваете, чтобы поунять от своевольства молодежь казаков? – Да, легко это сказать, сударь, а поди ка на сход да скажи что-нибудь про своевольство молодежи, то как раз эта молодежь тебя и со сбора сведет. Настало, значит, такое плохое время, сударь, что нам, старикам, и места нет на сходах. Ваше место, старики, – говорит нам молодежь, – на печке в теплой хате» [6].

С другой стороны, это вовсе не свидетельствует об утрате стариками почета и уважения со стороны молодежи. В повседневной, обыденной жизни старики по-прежнему играли ведущую роль. К тому же приведенные

выше новые нормы обычного права могли санкционироваться к применению в указанный период времени не во всех донских казачьих общинах. Например, такие возгласы казаков, как «любо» или «не любо», завершающие обсуждение какого-либо вопроса на станичных сходах, в рассмотренных нами материалах нигде не указаны. Но это вовсе не означает, что их применение не могло быть санкционировано в каких-либо станицах и хуторах, тем более что они были такими же традиционными для донских казаков, как и возгласы «в добрый час» и «не надо».

В данном случае речь идет о старинных войсковых кругах:

«Круг – главнейшее учреждение казачьей жизни, вольности и силы. Всякий “непенный” (неопороченный) казак имел право голоса на кругу. Становились казаки, конные ли, пешие, лицом к середине круга, куда со времен Михаила Федоровича начали ставить Царское знамя, конечно, взамен своих прежних знамен, хорунок (хоругвей). Исполнитель власти Круга – Войсковой Атаман. Все дела решались в Кругу и немедленно приводились в исполнение. Обыкновенно в Круг входил окруженный старшиною (то есть самыми лучшими из боевых старых казаков). Атаман с насекою в руках и становился в середине, по бокам его становились Войсковые есаулы с тростями в руках, а позже – с жезлами. Они снимали шапки, клали их на землю, а на шапки жезлы, кланялись Атаману, затем на четыре стороны – Всевеликому войску Донскому, брали жезлы и шапки и подходили к Атаману. Получив от него приказание, они надевали шапки и, подняв вверх жезлы, возглашали: “Помолчите, атаманы-молодцы и Всевеликое войско Донское! Его милость Войсковой Атаман сам сказывать будет!” По изложении дела Атаманом есаулы спрашивали: “Любо или не любо, атаманы-молодцы?” Круг начинал “шуметь”, то есть обсуждать. Мнение большинства одерживало верх. Нередко Круги бывали очень бурные: случались убийства тут же, выделение партий и т. п. . .» [17, с. 18–19].

Можно назвать еще одну причину, объясняющую, почему донские казачьи общины санкционировали разные по времени происхождения обычаи:

«Многие станицы на Дону, Медведице и Бузулуке составлены из частей, бывших до 1836 года самостоятельными. Несмотря на всю практическую соединенность двух небольших станиц в одну, в станичной жизни это соединение не принесло пользы,

ибо станичное общество представляет из себя два разнохарактерных элемента по религиозным возрениям – один из них, принадлежащий к православной церкви, другой – раскольничий. Такие станицы, составленные волею правительства из двух разных частей, никогда не сольются, то есть по крайней мере до тех пор, пока народ не станет выше всяких предразсудков и суеверий» [10].

Процесс объединения станиц иногда приводил к конфликту интересов, не связанному с религиозными убеждениями. Ярким примером борьбы, происходящей на станичных сходах, может служить спор между хутором Заполянским и станицей Сергиевской Усть-Медведицкого округа:

«Заполянский хутор был раньше станицею, и ему принадлежала так называемая введенская ярмарка. Торговля всегда производилась в Заполянском хуторе, но, в прошлом году (в 1882 г. – С. К.), содержатель ярмарки, по тесноте помещения, а главное, уступая просьбам купцов, дозволил им строиться в Сергиевской станице. Заполянские казаки, узнав о переходе ярмарки из их хутора в Сергиевскую станицу и о начавшейся уже постройке ярмарочных зданий, собрали сход и порешили – ярмарку разгромить, а с виновниками разсчитаться по-своему. Но так как такой перевод они считали незаконным, то предварительно решили объявить об этом мировому судье, местожительство которого находилось в Березовской станице. Он на другой день прибыл в Сергиевскую станицу. Заполянцы его уже ждали, и, лишь только мировой судья направился в станичный дом, за ним двинулась толпа более чем в 300 человек – кто с топорами, кто с вилами и другими орудиями. Только Серебряков начал разсматривать дело, как раздались крики: “караул, бьют, защитите!” Дело было вот в чем: в канцелярии, к несчастью, были по своим делам купцы. Вот с ними-то и начали казаки разделяться своим судом. Пять человек оказались сильно избитыми. В это же самое время вооруженная толпа казаков направилась к ярмарке и принялась громить только что выстроенные лавки: то есть рубила станки, отдирали, колола и пилила доски на мелкие куски, разбрасывая их по площади. На другой же день от купцов последовали нарочные с сообщением о случившемся к различным начальствующим лицам, начиная с заседателя до окружного начальника и прокурора окружного суда. Из сергиевцев никто в числе бунтовщиков не был. К большому горю заполянцев, не на их стороне, как оказывается, и право (официальное. – С. К.). Мировой судья, рассмотрев бумаги в отношении ярмарки,

объявил им, что содержатель или откупщик ярмарки поступил правильно, законно: в контракте или условии сказано, что он снимает ярмарку с тем, чтобы строить и на том месте, какое найдет удобным – в Заполянском ли хуторе, или в самой Сергиевской станице. Заполянцы, желая поправить свое дело, пожелали настоять у общества на приговоре, в котором было бы сказано, что введенская ярмарка принадлежит им, но-увы! – и это им не удалось. Атаман, для решения вопроса, по требованию заполянцев: кому принадлежит введенская ярмарка – одному ли Заполянскому хутору или вообще Сергиевской станице, объявил, что сход будет на третий день Рождества Христова. В назначенный день заполянцы явились все как один. Но сход не мог состояться: ни сергиевцев, ни орловцев (жителей хутора Орлов, который также входил в состав Сергиевской станицы. – С. К.) не было. И так было до трех раз. На четвертый раз заполянцы явились на половину, зато сергиевцы и орловцы явились все, даже и с хуторов или зимовок своих, и составив законное число голосов, порешили вопрос о введенской ярмарке, чтобы быть ей в Сергиевской станице, а не в Заполянском хуторе. Заполянцы не хотели было подписывать приговор, но, оставив сход и постояв на улице, – подумали и пришли к заключению, что если они не подпишут приговора, себе же нанесут безчестье, воротились и подписали» [21].

Как видим, иногда неявка станичников и хуторян на станичный сход носила организованный характер. Но все-таки это было скорее исключением из общего правила, подтверждающим действие правила:

«...Но лиха беда в том, что вопрос о богатстве и убожестве решают у нас станичные сборы. На днях в одной из станиц было получено предписание от атамана отдела назначить одного из казаков, разумеется беднейшего, в местную команду (военная служба по месту жительства. – С. К.). Нужно выбрать одного из многих и, по тщательном размышлении, выбрали такого оборванца, что сострадательный человек у церкви непременно подал ему копеечку. И кланялся то он, и горькими слезами обливался. Станичники переглянулись; житель он дальнего хутора, сохутарян его нет на сборе, – кто его знает: может и впрямь обеднел, хотя и слыл прежде за зажиточного хозяина. Приговор подписан, кому следовало дано, и бедняк, напугуемый добрыми желаниями, отправился к месту службы. А у бедняка оказалось семь пар волов, дом – полная чаша и прекрасно устроенное хозяйство» [3].

«...На самом деле у нас ведь главная обязанность полного схода – утверждать приговорные ста-

тьи, но, утверждая, например, статьи об удалении из среды такого-то поселка порочного лица, или, например, об увольнении от наряда на службу казака по семейному или имущественному положению, станичный сход основывается на засвидетельствовании граждан только того поселка, где лица, о которых идет речь, проживают, совершенно не зная ни о порочности одного, ни о праве на пользование льготой другого; значит, станичному сходу остается только сказать: “утверждаем нашим подписанием” и только» [5].

Таким образом, даже в «самобытных» станицах, то есть тех, которые не были искусственным образом объединены в одну станицу, по своему составу и общественным интересам станичный сход не был однородным. В состав каждой станицы входило определенное количество хуторов (хуторских обществ), управление которыми осуществляли поселковые атаманы и хуторские сходы.

В связи с этим и нормы обычного права станицы и входящих в станичный юрт хуторов могли существенно отличаться друг от друга:

«На наши общественные станичные сходы по положению штрафованные лица не должны допускаться, так как они по суду или по другим приговорам лишены права голоса. Подобные лица вносятся в имеющуюся в правлении штрафную книгу, с обозначением рода проступка и наказания, за которые их лишили участия в общественных делах. Одни станичные правители заглядывают в эту книгу, а другие, отслуживши целое трехлетие, не успевают увидеть ее, почему иногда на сходах появляются штрафованные, и подписывают приговоры, а станичники, иногда из боязни сильного голоса или же с силу своей материальной зависимости от того лица (богатые и зажиточные казаки жили в основном в хуторах. — С. К.), большей частью молчат. Но в конце концов штрафованные получают свое место и редко показываются на сходе. Люди зажиточные всегда найдут путь, по которому легко возстановить право своего голоса в каком-нибудь обществе» [7].

Особенно это сказывалось при вынесении станичным сходом окончательного решения (постановления) по тем или иным вопросам, которые обсуждались на сходе, и необходимости подписания участниками схода этого решения (постановления). Имеющийся у нас материал, касающийся подсчета полученных на станичных сходах голосов и процедур подписания станичных приговоров, демонст-

рирует такое же многообразие обычно-правового регулирования, на которое мы уже неоднократно обращали внимание:

«... На сходы (станичные. — С. К.) является редко полное число голосов, однако сначала схода ничего, затем постепенно отдельные частицы схода переходят по-немногу в питейные заведения и на сходе из сотен людей остаются уже десятки, так что при таком числе наличных голосов никакое решение схода не может быть признано законным, между тем как в конце приговорных статей недостаток голосов пополняется не только находящимися в питейных заведениях, но нередко захватывают и тех, которые и не приезжали из хуторов; это обыкновенно делается с неграмотными» [5]. На одном станичном сходе приговор никогда не получал законченной формы; зачастую случалось, что и грамотные казаки подписывали приговор по несколько недель и месяцев, а фамилии неграмотных казаков вносились в приговор из общего списка [10].

Для решения более важных вопросов, указанных в ст. 68 Положения об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г., требовалось не менее $\frac{2}{3}$ всех казаков, имеющих право голоса. Во многих станицах при подсчете голосов атаманы предлагали «согласным» и «несогласным» разделиться на две группы и потом уже считали голоса [36, с. 289]. В данном случае налицо применение санкционированного донскими казачьими общинами традиционного обычая «голосования вольными голосами» (шапками), правда, в несколько видоизмененном виде.

Проблему нехватки голосов по наиболее важным вопросам жизнедеятельности общин в станице Урюпинской решали так же, как и во многих других станицах, за счет включения в списки голосовавших неграмотных казаков:

«... Опять же, когда они, полные то сходы бывали? Разве когда общественную статью, мельницу там, либо скотопрогонную дорогу сдать надо в аренду, а так спокон веку они не бывают полные. Развернул списочек неграмотных и валяй подряд, в чем их голос требуется» [16].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что обычное право донских казаков, несмотря на его неформальный характер, не было одинаково справедливым ко всем членам донской казачьей общины и с этой точки зрения его не следует идеализиро-

вать. По крайней мере, так оно воспринималось отдельными членами общины:

«...Зачем все это так у вас делается, что вы, в такие черные годы, лишая бедняка единственного пая травы, за то что он не внесет в доход общества рубля, затеялись с такими постройками? – Не знаем, это атаман так делает; да разве нас спрашивают? Приговор напишут, вычтут – один, другой, третий. Мы кричим свое, что надо – чего не надо; а они продолжают делать свое, – и в куче-то тебе подсунут, а ты и подпишешь; да разве мы письменные что-ли? Пожалуй, вон такой-то (станичный атаман. – С. К.) написал в приговоре себе целый угол земли, а читал нам, что станица дает ему лишь одни его пашни. Мало ли чего? Что хотят, то и делают, а попробуй скажи – в холодной очутишься; позубастей нас туда прятал» [15].

В других станицах Области войска Донского подсчет голосов участников станичного схода осуществлялся по-иному, но опять же так, как это было предусмотрено официальным законодательством (Положение 1891 г.):

«...Лицом нашего станичного общества (станица Семикаракорская. – С. К.) являются 86 человек выборных. В некоторых случаях отсутствие хотя бы одного из них во время схода делает приговор, составленный на нем, недействительным. На практике же зачастую бывает и так, что для законности приговора считают (сами казаки. – С. К.) достаточным простое большинство голосов» [26].

Наряду с указанной традиционной нормой обычного права в донских казачьих общинах во второй половине XIX в. применялись и другие нормы обычного права, в частности обычай «обдирания», то есть продажа за незначительные долги перед станичным обществом имущества должника:

«...Выборными на станичных сборах очень часто являются должники станичных обществ. Эти выборные зачастую на сборах поддерживают голосами своими требования станичных правителей и те меры, на необходимости которых последние настаивают. Действовать по внутреннему убеждению своему эти выборные не смеют, потому что из опыта знают, как страшен гнев станичных властей, могущих во всякое время потребовать немедленной уплаты долгов и, в случае неисполнения этого требования, с молотка и за безценок продать принадлежащее им имущество. Станичные же правители, в свою очередь, принимают меры к унич-

тожению всякой оппозиции со стороны членов сбора и застрашивают непокорных арестом. Достаточно сказать кому-нибудь в подобных случаях два-три протестующих слова, как такого «супротивника» сейчас же на виду у всего сбора волокут в станичную тюрьму, где он и просиживает двое-трое суток на хлебе и воде. ...Поэтому во многих станицах почтенные казаки-домохозяева принимают звание выборных лишь в том только случае, когда не имеют никакой возможности уклониться от него» [31].

Несмотря на все попытки правительства во второй половине XIX в. регулировать формирование и деятельность органов территориального общественного самоуправления в Области войска Донского с помощью официального законодательства, донские казаки по-прежнему руководствовались своими нормами обычного права:

«Атаман нашей станицы (Семикаракорской. – С. К.) на недавно проходившем (в 1898 г. – С. К.) станичном сборе предложил следующую меру: чтобы хотя сколько-нибудь пополнить общественную кассу, он рекомендовал выборным дать свое согласие на продажу с торгов травяных паев тех станичников, которые брали деньги из этой кассы на приобретение всего им нужного для выхода на службу в феврале нынешнего года. ...Поэтому те из них, которые имеют не менее двух-трех паев, с удобством могут пополнить часть своего долга именно путем такой продажи. Сход, однако, это предложение атамана принял молчанием. Приняв это за выражение согласия, атаман продал с торгов несколько травяных паев за 1 400 рублей, но воспользоваться этими деньгами не мог, так как встретил сопротивление со стороны выборных, которые отказались подписать приговор. Таким образом, деньги были возвращены их хозяевам, а станичная касса по-прежнему осталась пуста. Размер задолженности за снаряжение на службу казаков в нашей станице достигает 20 тысяч рублей» [27].

В данном случае станичный сход отказался санкционировать применение такого традиционного на Дону обычая, как обычай «обдирания» должника. Например, в Выписи из приговорной книги Черкасской станицы за 1775–1778 гг. говорилось:

«1778 г. марта 18 дня на оном сборе приговорили с общаго станичного согласия: если кто не будет за провиант вносить денег, то брать за оный провиант грабежом» [32, с. 146].

В станице Букановской в 1898 г. станичный атаман также не применял обычая «обдирания» должника, а вместо этого использовал такую разновидность позорящего наказания, как «наширять в глаза», «потазать»:

«В Букановской станице, при выходе казаков на службу, станичное правление не употребляет никаких суровых мер, а прибегает лишь к суровым словам и угрозам. Станичный атаман призывает в присутствии станичного правления отца такого питомца и наговорит ему таких вещей, что бедняк, как ошпаренный, бежит к кому-нибудь из более состоятельных граждан и слезно просит дать ему займы нужную сумму денег. Иногда проситель в таких случаях не входит в дом к нужному человеку, а осмеливается только взойти на крыльцо и становится тут на колени. Хозяин отказывает ему наотрез. Но проситель стоит. Так продолжается до тех пор, пока хозяин дома найдет, наконец, возможность так или иначе удовлетворить просителя» [34].

«В Слащевской (станция. – С. К.) станичный атаман, напротив, перед каждым выходом на службу казаков, то есть в конце старого года и начале нового, сам чуть-ли не вымалывает у состоятельных граждан на снаряжение малолетков у кого 100, у кого 200 рублей, а после справки вырезает отдельными участками их паевую землю и отдает в аренду до выплаты в станичную сумму, куда обычно записываются займы и задолжания каждого из вышедших на службу. Сдаются пай, большей частью, за ничтожную сумму» [там же].

Конечно, в обоих случаях речь идет о видоизмененных обычаях, нормы которых ранее были направлены на регулирование совершенно иных ситуаций. Что касается уже упомянутого ранее обычая «обдирания» должников, то существуют многочисленные свидетельства его применения станичными атаманами и станичными правлениями в том же 1898 г.:

«Станичные правители (в станице Тишанской. – С. К.) вот уже много лет горько жалуются, что и богатые из граждан решительно уклоняются от справки молодых казаков к службе, стремясь к тому, чтобы дети их были справлены на общественный счет наравне с неимущими. Старик-казак купил для внука лошадь за цену что-то около 80 рублей, но она была забракована; тогда он, по указанию станичного правления, купил другую за 68 рублей и 40 рублей за нее отдал, а 28 рублей не хотел отдавать, умоляя станичных правителей отдать их из общественных денег. А между тем бывшие в это время атаман и казначей станицы знали, что при

старике есть 30 рублей, вырученных за продажу какой-то скотины. И вот они, не надеясь уговорить старика, повалили его на пол и из 30 рублей 28 отняли, а с 2 рублями пустили его на все четыре стороны» [35].

«... В Кременской станице с давних пор установился такой порядок при взыскании задолжаний в станичную сумму за справу к службе, что богатые домохозяева, задолжавшие станице по 150 и 200 рублей, не платят добровольно, и станичные правители не описывают у них имущества и не продают с аукциона ничего, тогда как бедняку стоит задолжать каких-нибудь 30–40 рублей – и с него тянут весь долг сразу, по окончании же первого полугодия после задолжания... Все это делается без доклада станичному и хуторскому сбору» [33].

По всей видимости, в данном случае речь идет не о бедных гражданах вообще, а только о тех из них, которые не занимались домашним хозяйством, вели праздный образ жизни, то есть не пользовались уважением в обществе. Скорее всего, к ним применялось правило «глядя на человеку», ранее санкционированное станичным и хуторским сборами. В станице Федосеевской обычай «обдирания» применялся уже без учета различий в социальном статусе граждан:

«В то время, как высшее правительство озабочено выяснением причин упадка казачьего благосостояния, – кое-где по станицам, не взирая ни на какие “упадки”, идет неукоснительное взыскание задолженностей. Описывается и продается за безценок последняя корова, овца, пай травы, плетни, сараи. Так, в Федосеевской станице, за долги в станичные суммы происходила недавно аукционная распродажа луговых паев. Продавалась трава не только неаккуратных плательщиков за долги прежних лет, но и тех, которых считали исправными и за которыми недоимка рублей в 5–6 накопилась лишь с января настоящего года (1898 года. – С. К.), да и то только благодаря недороду переживаемого года. Всего обиднее в этой распродаже было то, что о дне ее многие из должников даже и не знали, так как станичное правление оповестить их не сочло нужным. Пай оценивается в урожайные годы в 25 рублей, а проданы были за 4–5 рублей» [28].

В станице Константиновской станичный сход санкционировал применение иных норм обычного права:

«... Да и как тут выждать крепких цен, когда через неделю или две назначен при станичном прав-

лении смотр казакам, а у наших сыновей нет еще ни шапки, ни пики, ни мундира. Явись-ка на смотр без этих вещей, так мало того, что будешь обруган, но еще и посажен под арест» [24].

«В другом случае станичный атаман повез малолетков в Урюпин сдавать в сменные команды первоочередных полков. При казаках были также их отцы и матери. Многие из обмундирования и несколько лошадей были у казаков забракованы. Атаман на покупку истратил все общественные деньги и у него недоставало еще 200 рублей. Он понуждал и просил отцов справиться своим детям, чего еще им не достает, но те отзывались неимением денег. Атаману угрожала строгая ответственность за нерадение и бездеятельность по службе от окружного атамана. Атаман, вернувшись к себе домой, стал охать, стонать и биться об стену головой. Тогда только пришли к нему отцы справляемых к службе казаков со словами: “Не плачь, Архип Иванович, и покупай нам могоарыч, а мы уж тебя, родной, выручим”. За могоарычем дело не стало – и в руках атамана оказалось 200 рублей наличными» [35].

Особый интерес представляют те случаи, когда станичные атаманы открыто защищали применение норм обычного права, сознательно игнорируя при этом действие норм официального законодательства:

«На днях здесь (в 1899 г. в станице Константиновской. – С. К.) произошел случай, характеризующий произвольное толкование законов нашей станичной администрацией. На противоположном берегу Дона общество отвело небольшую площадь земли и стало отдавать ее разным торговцам в аренду для постройки хлебных амбаров, сараев и склада товаров. При этом отдавались в аренду не только те места, которые лежали вне бечевника, но и находящиеся внутри. Станичная администрация, между прочим, стала взыскивать даже с судовладельцев, баржи которых приставали в этом месте для загрузки и выгрузки товаров. Некоторые торговцы подчинились этому незаконному требованию, но другие начали протестовать. Один из таких протестантов не пожелал платить за стоянку своей баржи у берега во время загрузки ее хлебом и, переведя баржу на противоположный берег, продолжал загрузку. Станичные власти в этот же день позвали рабочих с топорами, пилами и другими инструментами и забили досками подступ к барже. Тогда потерпевший обратился к окружному атаману с жалобой на притеснителей. Атаман поручил своему помощнику расследовать дело. Но виновники происшествия в ближайшую же ночь сняли забор. Ста-

ничные власти обратились к мировому судье и просили его взыскать с торговца Т-ва 105 рублей за то, что он занимал своей баржей место у берега и не заплатил за это ничего. Закон (ст. 365 Устава путей сообщения) же гласит: “Протяжение бечевников, – полоса земли шириною 10 сажень с обоих берегов реки, – остается свободным от всяких в пользу обществ, городов, владельцев или казны пошлин и акцизов за что бы то ни было”. Статья 358 того же Устава гласит: “Указанное пространство бечевника предоставляется в пользу судовладельцев безвозмездно ... для загрузки и разгрузки судов для складки товаров» [23].

«Атаман в полном убеждении в справедливости им соделываемого позволил пороть казаков розгами по приговорам станичного схода, – да еще отвечал ревизору, что, мол, так и следует» [4].

И уж совсем нетипичными были случаи, когда станичный атаман в своей деятельности руководствовался нормами официального законодательства, примером чему может служить обращение станичного атамана станицы Грушевской к мировому судье с целью привлечения к административной ответственности некоторых граждан станицы:

«27 июля (1899 года. – С. К.) у мирового судьи 2 участка Черкасского округа судились наши станичники, числом до 50 человек, среди которых были четыре или пять женщин. Привлечены они были станичным атаманом за нарушение 29 статьи устава мирового, которая карает до 50 рублей штрафа за “неисполнение законных распоряжений и постановлений правительственных или полицейских властей”. Станичники же наши и станичницы нарушили эту статью тем, что вопреки изданному более десяти лет назад обязательному постановлению войскового наказного атамана, свезли сено урожая настоящего года в свои дворы, а не за сто сажень от жилых построек, как это требуется постановлением. На суде все обвиняемые составленного станичным атаманом протокола оправдывались тем, что некоторые из них не слышали никогда о существовании постановления. Судья оштрафовал каждого на рубль, обязав их в определенный срок свезти сено в место, которое будет указано им станичным правлением» [1].

В станице Аксайской того же Черкасского округа вопрос об устройстве сенников станичный атаман решал уже руководствуясь нормами обычного права:

«В последнее время (в 1900 году. – С. К.) возник интересный вопрос об устройстве обществен-

ных сенников. Станичный атаман представил обществу неудобство существующих за поселением станицы частных сенников, и общество, согласившись с доводами атамана, порешило устроить общественные сенники. Окопка таковых рвом, наем сторожей и устройство помещений для последних предположены на станичные средства, с тем, чтобы произведенный расход пополнялся взносами хозяев, складывающих сено; взимание платы предложено в таком размере: с граждан по 10 копеек за воз, иностаничников – 15 копеек и с иногородних по 20 копеек. Частные сенники будут снесены, и устройство новых разрешаться не будет» [22].

В данном случае большая часть денег, собираемых с владельцев сена, шла на наем и содержание сторожей. Однако и в решении вопроса об охране какого-либо имущества наблюдалась характерная для норм обычного права донских казаков вариативность. Например, в хуторе Мишкине Черкасского округа «...сторожей при церкви – два: один из них нанимается на год (70-летний старец), другой же является каждую неделю, назначаемый из жителей хутора по очереди...» [38].

В обязанности станичных атаманов и станичных сходов по официальному законодательству входило и содержание общественных хлебных магазинов, то есть хранилищ запасов хлеба, необходимых для поддержания бедных граждан в неурожайные годы.

Исполнение указанных обязанностей станичными атаманами осуществлялось по-разному и зависело не столько от выполнения предписаний официального законодательства, сколько от того, какие нормы обычного права были санкционированы донскими казачьими общинами на станичных сходах. Для сравнения можно привести следующие примеры:

«Количество хлеба определяется для засыпки в станичный хлебный магазин, по наличному числу коренных жителей. Сбор этот производится по спискам, составленным станичным и поселковым атаманами с избранными на станичном сходе доверенными по три человека, как в самой станице, так и в каждом поселке. Обмена хлеба старого на новый не производится. В последние же года (в 70-е гг. XIX века. – С. К.) хлеб весь был выдан бедным жителям на продовольствие, а некоторым для осеменения полей» [2].

Более подробные сведения об условиях и порядке выдачи гражданам ссуд из общественных хлебных магазинов имеются по Хоперскому округу Области войска Донского:

«...Сначала докладывается на сходе, чтобы всякий нуждающийся приходил в станичное правление с своим словесным заявлением о количестве просимого им хлеба сообразно числу душ в семье, которое обозначается в том же списке. Затем список этот поверяется на станичном общественном сходе, потом представляется при общественном приговоре на утверждение в окружное земство. Но все зависит от определения на сходе. Здесь берется в соображение, кроме числа душ в семье, и самое состояние, то есть степень достаточности каждой семьи, а также недоимка хлебная по прежним ссудам или окладу. Поэтому многим уменьшают здесь просимую ими ссуду, а некоторых, оказавшихся по проверке недостаточными, и вовсе исключают из списка, через что здесь выходят большие споры и пререкания между достаточными и бедными. По этим обстоятельствам трудно приходится тут и самим станичным правителям успокоить граждан и уладить дело, так что многие из заживных, хитро скрывая свое состояние, упорно держатся на своем и добиваются того, что получают таки много или мало хлеба из магазина, а после вольно продают его... Порядок раздачи этого хлеба в некоторых станицах далеко не рационален и не без отступления от правил, указанных законами о народном продовольствии, по которым запасы блюдутся и должны раздаваться в неурожайные годы только действительно нуждающимся в продовольствии жителям. У нас же в иных станицах (Павловская и др.) получают теперь хлеб из магазинов почти все жители, не исключая даже некоторых и из тех, которые не только не нуждаются, но даже продают другим собственный хлеб» [29].

Таким же традиционным путем органы территориального общественного самоуправления решали и вопросы, связанные с благоустройством и ремонтом общественных зданий и иных построек в станицах, что хорошо видно на примере упомянутого выше Хоперского округа:

«С наступлением осени в станицах наших на общественных сходах решаются дела о постройке, а также ремонтировке общественных станичных зданий, так как с этого времени года разрешается рубка юртового леса, нужного на подобные предметы. Принятый издавна обычай в этих делах в большей части станиц далеко не рационален. Много здесь идет

на эти постройки и починки излишнего леса, а в особенности же мелкого, употребляемого на сараи, базы, сеновалы для содержания в зимнее время войсковых плодовых жеребцов. Эти сараи и базы летом остаются без присмотра. Разрушают их жители, обыкновенно соседних домов и особенно постоянно живущие в станицах иногородние, которые, нуждаясь в дровах, растаскивают мало по малу такие общественные сараи и плетни на отопление своих домов или квартир. Не лучшая участь постигает и огорожу, а также какие-либо сараи, состоящие при самих станичных сборных домах. Отбывающие сиденочную повинность нередко ввиду самих станичных правителей топят ими печи станичного дома. Через два-три года их восстанавливают» [30].

Для пополнения бюджетов станичных и хуторских обществ органы территориального общественного самоуправления, руководствуясь своими обычно-правовыми представлениями о законности и справедливости, устанавливали различные сборы, денежные взносы и пошлины, которые, с точки зрения норм официального законодательства, были незаконными:

«Несмотря на разъяснение высших властей о незаконности сбора на базаре с торгующих сельскохозяйственными продуктами собственного производства на своих же возах; этот сбор продолжает взываться в Калаче и по-ныне (в 1898 г. – С. К.). И хотя он равен всего 5 копейкам с воза, но для казака, привезшего огурцов или арбузов всего-то на полтинник, и это взимание является довольно тягостным налогом» [37].

В станице Нижне-Чирской того же 2-го Донского округа доверенные от станичного общества сборщики денег выдавали всем торгующим на ярмарке своеобразные квитанции следующего содержания: «Билет. Крестовоздвиженская ярмарка Нижне-Чирской станицы 1889 г. Получено за одну штуку скота пять копеек». Сумма полученных с продавца денег и подпись доверенного были указаны в этих квитанциях карандашом [13].

Поскольку обычное право донских казаков в основном имело неписаный характер, то нет ничего удивительного в том, что и в вопросах делопроизводства станичные атаманы и станичные правления руководствовались нормами обычного права. Об этом можно судить по материалам, относящимся к концу XVIII века:

«В Войсковой канцелярии слушали рапорт полковника, нынешнего генерал-майора Василия Манькова, что он, по вступлении его 4-го Донского Сыскного Начальства в должность начальника, войдя в тонкое испытание станичных внутренних обстоятельств, нашел разные в касательном до приходу и расходу денежной суммы, до выбору станичных атаманов и до прочаго станичного благоустройства, определено: как в некоторых станицах сделаны приходные и расходные книги тетрадами в четверть листа, а прочие хотя и на целых листах, но все сшиты беспорядочно и притом без шнура и печати и никем по листам не закреплены; 2) из числа употребленного ими расхода во многих статьях не пояснено, для кого именно последовали издержки, а других не означено оным ни месяца, ни числа, да и записывается расход в некоторых станицах первоначально на разных малых клочках, а потом вводится в книги, пропустя довольно после того время, и хранят сии книги у себя дома и за сменою их, а у иных станиц и совсем оных 797 года за несколько месяцев не отыскано, да и заведены у них те книги не с начала нового года, а со вступления каждого атамана в должность... В отвращение сих неудобных обстоятельств велеть впредь за сим на будущие года снабжать все станицы приходными и расходными книгами от Сыскного Начальства, за скрепою и печатью онаго, с подтверждением, чтоб во оные записываем был приход и расход (своевременно) и поверять сии книги по третям года выборными от станиц нарочными счетчиками, начальствам же входить в разбирательство тогда, как от станицы будет жалоба... Согласно с тем и атаманы в станицах не иначе как с 1-го числа января, однакож сие не препятствует изобрать с того числа ныне находящихся, ежели которое общество станичное того пожелает, и с того самого времени заводить все касающиеся к станичным делам журналы, которые для лучшего порядка и иметь до истечения года..., велеть во всех станицах, чтоб они с следующих в их и другие станицы повелений списывали копии (и заводили дела). Случающаяся по общественным и частным делам приговоры писать с подробным объяснением существа дела и последующего по тому решению и оные закреплять подписанием всего тем, кто при учинении оно-го был и на то свой голос подавал, знающим грамоте самим, а вместо незнающих с просьбы их станичному писарю или кому другому» [11, с. 177–178].

Подобное отношение к ведению делопроизводства было характерно для органов территориального общественного самоуправления в Области войска Донского и во второй половине XIX века.

Для данного периода обычным явлением было и невмешательство станичных атаманов в деятельность поселковых атаманов и хуторских сходов, в связи с чем нормы обычного права, регулирующие те или иные общественные отношения в хуторах и станицах, могли существенно различаться между собой:

«Руководствуясь новым Положением об общественном управлении в казачьих войсках (1870 года. – С. К.), станичные правления много свалили с себя обязанностей. Они полагают, что для них необходимо исполнять предписания своего начальства, а что делается кругом, в этом, по их мнению, им нет надобности. Я (Никулин П. – С. К.) видел таких станичных атаманов, которые за три года своего правления не успели побывать ни в одном хуторе» [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грушевская станица (Черкасский округ) // Приазовский край. – 1899. – № 201.
2. Донсков, А. Из станицы Арчадинской. Хлебный магазин / А. Донсков // Донские областные ведомости. – 1875. – № 7.
3. З. Из 1-го Донского округа / З. // Донские областные ведомости. – 1878. – № 38.
4. Здешний. Из станицы Н...ской / Здешний // Донской голос. – 1880. – № 43.
5. И. П. Из станицы / И. П. // Донские областные ведомости. – 1879. – № 39.
6. Из Усть-Медведицы // Донские областные ведомости. – 1880. – № 36.
7. Казак. Из станицы Б... / Казак // Донские областные ведомости. – 1875. – № 83.
8. Казмин, А. Обычные суды в хуторах Донской области / А. Казмин // Этнографическое обозрение. – 1891. – Кн. X, № 3.
9. Кательников, Е. Исторические сведения Войска Донского о Верхнекурмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года, декабрь 31 дня / Е. Кательников. – Новочеркасск, 1886.
10. Киевский, И. Наши станичные общества / И. Киевский // Донская газета. – 1876. – № 38.
11. Кириллов, А. А. Станичное право на Дону / А. А. Кириллов // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – 1908. – Вып. 8.
12. Краснов, С. Ю. Обычно-правовое регулирование имущественных отношений у донских казаков во второй половине XIX века (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Краснов. – Волгоград, 2003.
13. М. К. Станица Нижне-Чирская (2-го Донского округа) / М. К. // Приазовский край. – 1897. – № 276.
14. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа / П. Никулин // Донская газета. – 1876. – № 41.
15. Никулин, П. Станичные картинки / П. Никулин // Донская газета. – 1875. – № 74.
16. Омикрон. Письма из Урюпина / Омикрон // Донская газета. – 1877. – № 26.
17. Пивоваров, А. Донские казаки / А. Пивоваров. – Новочеркасск, 1894.
18. Положение об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г. // Памятная книжка Кубанской области на 1874 г. – Екатеринодар, 1873.
19. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 года // Сборник узаконений и распоряжений Правительства о правах и обязанностях обывателей станиц Области Войска Донского, об их управлении и о поземельном устройстве / сост. А. Ф. Мишарев. – Изд. 2-е, испр. и доп. по узаконениям, обнародованным по 1912 г. – Новочеркасск, 1913.
20. Положение об управлении Донского войска от 26 мая 1835 г. // Полное собрание законов Российской Империи. – Сб. 2. – Т. 10. – Д. 8163.
21. Сергиевская станица Усть-Медведицкого округа // Донской голос. – 1883. – № 21.
22. Станица Аксайская (Черкасский округ) // Приазовский край. – 1900. – № 198.
23. Станица Константиновская (1-й Донской округ) // Приазовский край. – 1899. – № 283.
24. Станица Константиновская // Приазовский край. – 1898. – № 262.
25. Станица Нижне-Кундрюческая // Донской голос. – 1881. – № 40.
26. Станица Семикаракорская (1-й Донской округ) // Приазовский край. – 1898. – № 197.
27. Станица Семикаракорская // Приазовский край. – 1898. – № 198.
28. Станица Федосеевская (Хоперский округ) // Приазовский край. – 1898. – № 194.
29. Станичник. Из Хоперского округа // Донские областные ведомости. – 1880. – № 33.
30. Станичник. С Хопра / Станичник // Донские областные ведомости. – 1880. – № 77.
31. Станичные отголоски // Приазовский край. – 1900. – № 122.
32. Сулин, И. Акты, относящиеся к бытовой истории донских казаков / И. Сулин // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – Вып. 4. – Новочеркасск, 1904.
33. Тимощенко, И. Станица Кременская (Усть-Медведицкий округ) / И. Тимощенко // Приазовский край. – 1899. – № 39.
34. Тимощенко, И. Станица Слащевская (Хоперский округ) / И. Тимощенко // Приазовский край. – 1898. – № 197.
35. Тимощенко, И. Станица Тишанская / И. Тимощенко // Приазовский край. – 1898. – № 208.

36. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – Вып. 1. – М., 1885.

37. Хутор Калач (2-го Донского округа) // Приазовский край. – 1898. – № 206.

38. Хутор Мишкин (Черкасский округ) // Приазовский край. – 1900. – № 166.

39. Юрепин, А. Заметки о станичном управлении / А. Юрепин // Донские областные ведомости. – 1878. – № 27.

**FUNCTIONING OF THE TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT BODIES
OF DON COSSACKS IN ACCORDANCE WITH CUSTOMARY LAW
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

S.Yu. Krasnov

The article deals with the scientific analysis of the issues bearing a relation to customary law regulations in functioning of the territorial self-government bodies in the stanitsas and khutors of the Don Army Land in the second half of the XIX century. The above mentioned questions have never been the subject of scientific research either in historical and ethnological or historical and legal sciences.

Key words: *customary law; Don Cossacks; territorial self-government bodies.*